

Рисунок М. ЧЕРЕМНЫХ.

На руководящие должности нередко назначаются люди, провалившиеся на другой работе.

СПАСАНИЕ УТОПАЮЩЕГО

КРОКОДИЛ

СОЦИАЛИСТ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА

Французы не удивятся, если в один прекрасный день «денщик генерала де Голля», он же министр Ги Молле, явится на заседание правительства в левом башмаке, обутым на правую ногу, и с правым туфлем на левой своей конечности. С некоторых пор генеральный секретарь французской социалистической партии стал хронически путать правое с левым. Считая себя прогрессивно-левым, он усердно вершит реакционно-правые дела.

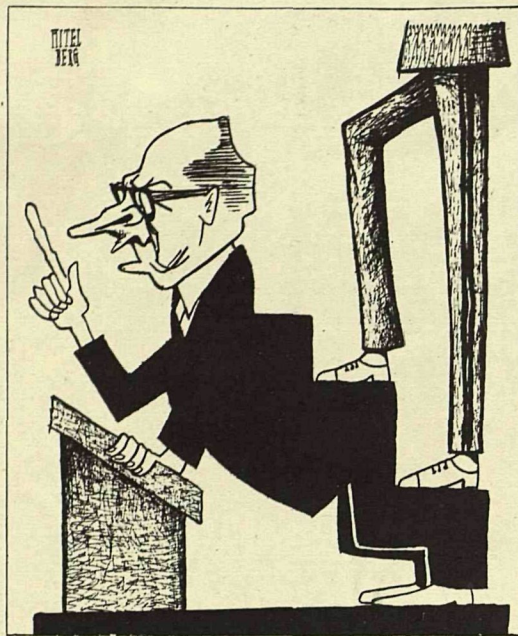
Андрэ Филип, старый социалист с 35-летним стажем, наблюдая за поведением высокопоставленного соотечественника и партийного коллеги, разгадал причину такого странного явления. В своей книге, носящей весьма выразительный заголовок «Преданный социализм», он подметил, что «пробывание у власти, по-видимому, разрушительно действует на отдельные личности».

Да и как не разрушаться личности! Даже не посвященные в тайны Елисейского дворца могут представить себе всю тяжесть бремени, которую еще недавно нес лидер французских социалистов, пребывая на высоком посту председателя совета министров. Не составляет особого труда предавать национальные интересы страны «справа». А вот предавать их «слева» — это не всякому дано!

Ги Молле-социалист торжественно провозглашал: «Все равным образом убеждены, что война была бы губительной для всех».

Этот же самый Ги Молле, но уже премьер, сломя голову бросился в военную авантюру на Арабском Востоке.

Касаясь колониальной авантюры 1956 года в Египте, Андрэ Филип пишет в своей книге, что руководство социалистической

партии «проделало там работу по поддержанию мира путем объявления войны». Что может быть остроумнее!

Самоотверженными усилиями Ги Молле, продолжает Андрэ Филип, «практика лжи возведена в ранг моральной ценности».

Не многим из современных политических алхимиков удается так ловко выдавать порок за добродетель. Это ли не заслуга министра-«социалиста», широко шагающего «с левой ноги» на самом правом фланге реакции!

В одном из недавних своих выступлений на съезде социалистической партии Ги Молле так сформулировал задачу, которую он перед собой ставит.

«Цель социалистов,— сказал пламенный оратор, сверкнув стеклами роговых очков,— заключается не в освобождении народов, а в освобождении индивидуумов».

Коротко и мудро. Зачем обременять свободой народы Алжира и Черной Африки? Куда проще развязать руки отдельным единицам, «сильным» личностям вроде Массю или Сустеля, которые, в свою очередь, свяжут руки всем недовольным... И вот тогда, мечтает Ги Молле, не нужно будет отвечать перед своими коллегами по партии «левая, правая где сторона?» Тогда все будет ясно. И кличка «монархо-социалист», которую парижане бросают сейчас в лицо Ги Молле, станет, быть может, официальным титулом этого «рабочего лидера»...

Рисунок французского художника Луи Мительберга, который взят из газеты «Юманите», хорошо иллюстрирует позорную роль Ги Молле, сыгранную им в последние дни и недели перед референдумом. Лидер социалистов, превратившийся в опору врагов свободы и в прямом и в переносном смысле,— это ли не «заслуга перед социализмом»?!

«Я чрезвычайно доволен прекрасными результатами референдума»,— заявляет сегодня Ги Молле.

Какими бы иллюзиями ни тешил себя социалист его величества, борьба за Французскую Республику далеко еще не закончена.

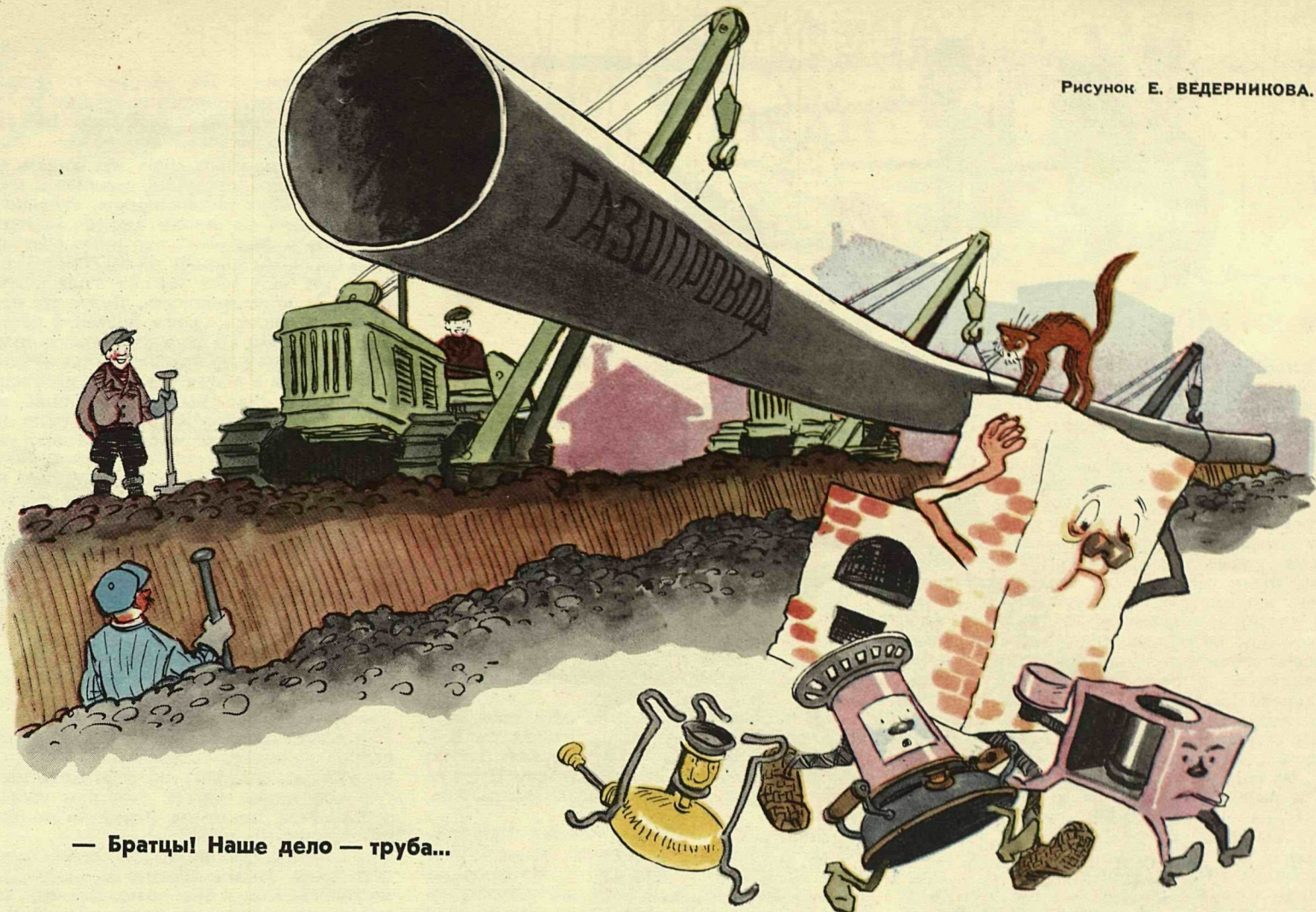
Д. ЛЮБИМОВ

В ПАРИЖЕ ПОСЛЕ РЕФЕРЕНДУМА

— Никак не можем разогнать демонстрацию...
— Позвоните в Бонн, они вам скажут, как это делается!

Рисунок Е. ГОРХОВА.

— Братцы! Наше дело — труба...

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

председателю колхоза «Профинтерн», Пологского района, Запорожской области, И. Ф. СУШКО

Здоровеньки булы, уважаемый Иван Федотович!

Вас, возможно, удивит столь пристальное внимание к вашей скромной особе. В конце августа вам уже кланялся мой младший брат — «Запорожский перец». А теперь пишу вам я.

Однако в этом нет ничего удивительного: некоторые стороны вашей деятельности заслуживают глубокого изучения.

Пришлось мне не так давно побывать в руководимом вами колхозе. С удовольствием слушал народные украинские песни, которые так хорошо поют ваши колхозные механизаторы.

Но вот что меня удивило. Одну из самых популярных песен они, например, начинают так: «Запрягайте, хлопцы, коней...»

— Почему вы поете «запрягайте»? — поинтересовался я. — Ведь в песне сказано «распрягайте»!

— Нам сейчас распрягать коней нельзя, — ответили трактористы, — нам их сейчас запрягать треба. А иначе все полевые работы встанут. Тракторы-то у нас выходят...

— То есть как выходят?

— Сначала из ремонта выходят, а потом из строя... Теперь на коней вся надежда.

И поведали мне колхозные механизаторы о своих печалях.

Принес вам недавно механик колхоза И. Г. Галич на утверждение проект договора с РТС на ремонт колхозной техники.

— Договор? Это хорошо, — сказали вы и, вооружившись карандашом, аккуратно... вычеркнули из списка все девять колхозных тракторов, подлежащих ремонту.

После этого вы вкратце ознакомили колхозных механизаторов со своими взглядами на такие понятия, как экономия, домовитость, рачительность.

— Тракторы, они чьи? — спросили вы и сами ответили: — Наши, колхозные. А РТС, она чья? Не наша, чужая. Поэтому отдавать тех-

нику в чужие руки да еще платить за это деньги не по-хозяйски. Одним словом, ремонт будем делать сами.

— Одумайтесь, Иван Федотович! — взмолились трактористы. — У нас же ни специалистов, ни станков, ни инструментов нет. Крана тоже нет, двигатель поднять нечем. Одни ключи, да и те в основном от амбарных замков...

Другой руководитель на вашем месте был бы сражен подобными доводами и малодушно согласился бы на сдачу техники в ремонт. Но вы, Иван Федотович, оказались на высоте. Вы проявили железную непоколебимость и настояли на том, чтобы ремонт тракторов был произведен своими, колхозно-домашними средствами.

И в самом деле, кто сказал, что в колхозе нет условий для ремонта техники? Подумай, нет крана! А для чего существует колхозная спортивная секция тяжелой атлетики? Нечего им заниматься непроизводительным поднятием гири и штанг! Пусть поднимают двигатели и таким путем содействуют ремонту колхозной техники! А в помощь им дать колхозных конюхов: у них ведь имеется большой опыт по уходу за двигателями мощностью в одну лошадиную силу типа «Савраска».

Что там еще нужно ремонтировать? Рулевое управление? Это — то самое, которое трактористы именуют баранкой? Поручить это дело колхозным пекарям: изготовление баранок и прочих хлебобулочных изделий — их участок работы.

Ремонт цилиндров? Им займутся колхозные портные. Хватит им шить кепки да ушанки! Пусть попробуют свои силы на цилиндрах...

Ваша кипучая инициатива и умелое использование внутренних возможностей, дорогой Иван Федотович, дали свои результаты. Куда девалась былая мощь вашего колхозного богатыря — трактора «С-80»? Вы его доремонтировали, как говорится, до заводной ручки. И стоит он сейчас, бедняга, с искореженным

задним мостом и изувеченной коробкой передач, превратившись в своеобразный памятник вашей рачительности и домовитости. Копеечная экономия превратилась в значительные убытки. А безработные трактористы, собравшись под окнами правления колхоза, со значением поют:

«Запрягайте, хлопцы, коней...»

Я бы не утруждал вас, Иван Федотович, моим посланием — особенно после поклона «Запорожского перца», — если бы у вас не нашлось последователей в лице некоторых других руководителей колхозов.

Дошли до меня вести о том, что председатель колхоза имени Ленина, Верхне-Хортицкого района, вашей области, И. Я. Власов и его сосед, председатель колхоза «Украина» В. Е. Хижняк, тоже планируют сэкономить на ремонте колхозной техники. В колхозе имени Ленина, например, 21 трактор требует ремонта, а тов. Власов не сдал в РТС ни одного. Тов. Хижняк оказался, правда, более щедрым: он сделал широкий жест, сдав в РТС для ремонта целых три трактора, тогда как, между прочим, в ремонте нуждалась 31 машина.

Поэтому прошу вас, Иван Федотович, пригласите к себе этих ваших коллег, передайте им мой крокодильский поклон и продемонстрируйте перед ними останки своего «С-80», отремонтированного домашними средствами. Может быть, они сделают из этого печального зрелища какие-либо полезные для себя выводы.

Имея все основания предполагать, дражайший Иван Федотович, что в золотых скрижалях истории, где пойдет речь об умелом хозяйствовании, ваше имя, а также имена товарищей Власова и Хижняка будут пропущены, я спешу восполнить этот пробел на своих страницах. Вы все этого, безусловно, заслуживаете.

А еще кланяюсь...

КРОКОДИЛ

В норе

В. КУКАНОВ

Самый неутомимый живописец — время. Бесконечные годы трудится над нашими портретами этот суровый реалист. Что ни день, то мазок: кому добавит клок седины в волосы, кому борозду поперек лба, а кому тушцового румянца на нос.

Надо сказать, этот портретист основательно поработал над физиономией Володи Барсукова. Я долго смотрел на него и не мог определить, Барсуков это или не Барсуков. Узкие покатые плечи и массивные ноги были определены его: всегда казалось, что он, вроде пластилиновой фигурки, слегка оплыл книзу. Но Володька Барсуков был румяным, энергичным парнем с маслянистым блеском глаз и встрепанной шевелюрой. А этот мужчина средних лет какой-то вялый, потерявший, лицо желчное, и в глазах что-то прямо аскетическое.

Но вдруг его блуждающий взгляд остановился на небольшой очереди около какой-то палатки.

Он ринулся к очереди, и тут я наконец убедился, что это он, Володька Барсуков, мой бывший институтский однокурсник. Барсуков, как мы его звали по студенческой привычке урезать фамилии.

Еще тогда мы замечали, что Барсуков не может пройти равнодушно мимо любой очереди. Ему мало было спросить, что дают. Он цукал в ход сразу все органы чувств: и приноживался и ощупывал все, до чего могли дотянуться руки. Нам чудилось, что в такие моменты глаза его приобретали силу рентгеновского аппарата.

Сейчас его порыв не был вознагражден. В палатке не оказалось ничего достойного его внимания. Он с досадой отвернулся от прилавка. Тут я и преградил ему дорогу: — Владимир, здравствуй!..

Барсуков испуганно отшатнулся и втянул голову в плечи. Глаза его тревожно забегали по моему лицу: кто ты такой, что тебе от меня надо? Но вот он заморгал, заморгал, что-то припоминая, и голова его, как у черепахи, начала медленно выдвигаться вверх.

— А-а,— наконец вяло произнес он.— Здорово. Слушай, откуда ты?

— Да вот судьба забросила на старое пепелище. В командировке здесь.

Я рассказал Владимиру, где живу, где работаю, какая у меня семья. С каждым моим словом взгляд его все более и более сосредоточивался.

— Вон ты, понимаешь, где окопался! — наконец воскликнул он прямо с детской непосредственностью.— Слушай, а ведь ты можешь пригодиться, а? При случае, по старой дружбе, а? Ну рад, рад тебя видеть! Вот что, Алексей, пошли ко мне...

Я смущенно заметил, что меня зовут не Алексеем, и назвал свое имя.

— А-а! Ну да, ну да! Алексей был тот, третий, что жил с нами в общежитии.

— Тот был Андрей...

— Ах, ну да, ну да! Вот память дрябая... Ну, неважно! Пойдем ко мне, посмотрим, как я живу.

— Пойдем,— согласился я и направился в ту сторону, где Барсуков, как мне помнится, жил.

— Куда ты? — остановил он меня.— Ты думаешь, что я все еще в норе живу? Нет, понимаешь, я уже отдельную квартиру имею. Из трех комнат. Живем не по-царски, но...

Вот она, вот она, Володькина улыбка, со слезка выпяченной вперед нижней губой! Еще в студенческие годы она, бывало, немного раздражала нас. Она появлялась чаще всего тогда, когда Володьке удавалось

с присущей ему энергией «обтупить» какое-нибудь дельце, например, «достать» что-то.

В этой улыбке, кроме самодовольства, была еще и доля презрительного снисхождения: ох, вы, сосунки, учитесь жить!

«Норой», о которой Владимир упомянул, в свое время звали его комнату. Большая и светлая, она ничем не напоминала подземное жилище зверя, а привилось к ней это название так. Когда мы, три выпускника, приехали из института сюда на завод, нас всех поместили в одну комнату.

— Ну нет, хватит с меня общежития! — решительно заявил Барсуков.— Я хочу жить по-человечески, своим домом.

Через месяц он уже был женат на девушке с комнатой и приглашал нас на свадьбу.

— Вот теперь у Барсука есть своя нора! — говорил он гостям, потирая руки.— Ничего норка? Только пока пустая. Нужно еще обставить, создавать уют. Ну, тут мы с женой постараемся. Правда, Надюшка?

Надя, большеглазая худенькая блондинка, мило улыбалась и кивала головой. Она сразу признала в молодом муже хозяина дома. И хозяин держался соответственно. Он расчерчивал комнату на воображаемые квадраты и квадратик, в которых, по его плану, будет стоять то-то и то-то.

Нас поражала потом настойчивость, с какой он начал создавать уют. Как только он не выкручивался, чтобы что-нибудь приобрести! И каждый раз, когда мы встречали его на улице с каким-нибудь стулом или абажуром ядовито-купоросного цвета, он говорил:

— Это в нору! Понемножку начинаем обживать...

— Так ты в самом деле в Москве работаешь? — спросил Барсуков, когда мы двинулись в нужном направлении.— Недурно, понимаешь, недурно! А я как с институтской скамьи пересел в свое конструкторское бюро за чертежную доску, так и по сей день там. Ничего, не жалуюсь. Зарабатываю неплохо. Оплата сдельная. Детали все знакомые, приспособления стряпаешь с закрытыми глазами. Отщелкиваешь чертежи, а там рублики наматываются. Да и жена зарабатывает прилично. Помнишь ее, Надю-то? Рада будет тебя увидеть. Правда, у нее сейчас всякая радость омрачается...

— Что такое?

— Сын у нас ушел из дому, негодяй.

— Как ушел, куда?

— На Восток уехал, на новостройку.

— Так почему же он негодяй? — удивился я.— Молодежь сейчас вся туда стремится.

— По комсомольскому призыву — да, по путевкам — пожалуйста! А этот молокосос сам собой поскакал, тайком ушел.

— Конфликт, что ли, у вас вышел?

— А-а! Отцы и дети — вечная проблема, — уклончиво ответил Барсуков.— Слишком нематериалистичной стала молодежь...

— Что значит «нематериалистичной»?

— Цену вещам эти сопляки не знают. Ведь я ему здесь чуть ли не рай земной создал, а он плюнул на все и живет там в палатке... Ну, вот мы и пришли. Вон на балконе мой цветник...

Понятие «рай земной» очень растяжимое. Не с чем сравнивать. У нас очень смутное представление о рае небесном, в котором теперь рядом с райскими птичками летают спутники. Но если рай обязательно должен быть до отказа забит вещами, то этому условию «квартира Барсуковых вполне удовлетворяла».

— Осторожно! Не ударься о сундук, — начались предупреждения прямо от входа.— Осторожно! Не зацепись за ручку шкафа. Осторожно!..

В первой комнате, куда мы вошли, было столько столов, столиков, диванов и диванчиков, шкафов и шкафчиков, столько было навешано на стенах картин, портретов, ковриков и вышивок, что всего этого хватило бы на районный город средней величины. И во всех вещах была какая-то странная безжизненность. Будто их наглухо приколотили к своим местам и не пользовались ими. Не хватало только надписей «руками не трогать» и заградительных бечев, как в музее. Цветы и насаждения на балконе как бы представляли собой зеленый филиал этого рая — райские кущи.

На наш разговор пришла хозяйка — Надя. Она была все такой же тонкой. Но около больших глаз у нее отпечатались гусиные лапки морщин и в уголках губ легли скорбные складки.

На кухне мы застали дочь Барсуковых, девушку лет шестнадцати. Она очень напоминала мать, только не была такой худой и смотрела не по-матерински смело. — Ты куда-то уходишь, гладишь кофту? — спросил отец.

— Да, схожу к Свиридовым. Сегодня «Летят журавли», — не глядя на него, ответила дочь.

— Какие еще журавли летом?

— Картина по телевизору. Ты же разрешаешь включать телевизор только по воскресеньям... Мы ведь во всем экономим.

В последних словах девушки была нескрываемая шпилька. Барсуков покраснел и закричал на дочь:

— Опять дерзишь! «Экономим»! Если вам дать волю, вы все пустите по ветру... Ох, и молодежь! Вот и сын тоже. Все ему, понимаешь ли, здесь не нравилось. Как вор, ушел из дому. Был у него премиальный велосипед, получил на соревнованиях, не пожалел — продал и на эти деньги уехал. Убежал жить в палатку...

— Ему там не хуже, — многозначительно заметила дочь.

— А ты откуда знаешь? — насторожился Барсуков.

— А вот знаю.

— Может быть, он тебе письмо прислал?

— Может быть.

— И тебя подбивает на глупое дело? Смори у меня! К кровати привяжу. Давай сюда письмо!..

— Ах, да перестаньте вы! — вступилась мать.— Нашли время спорить.

— Ну, я с ней еще поговорю, — мрачно пообещал Барсуков.— Ладно, Надя, угости нас чем-нибудь. Не шикарно, конечно, где уж нам...

Пока мы, лавируя, пробирались назад в первую комнату, Барсуков вздыхал и хмурился, но, заново оглядев все свое хозяйство, повеселел:

— Ну, вот мои хоромы. Как видишь, начал немного жить. На одном месте и камень обрастает. Мечтаю купить сюда вот ковер. Такой, чтобы во всю стену. Дорогие они, черт возьми! Ну, да ничего, накупим деньжонок. Теперь сын сам зарабатывает, с шеи долгой. Расходов меньше стало, значит, дело пойдет быстрее. К концу года, думаю, наскребем нужную сумму...

Взгляд Барсукова, устремленный на стену, блеснул: он уже представлял себе, как там будет красоваться огромный радужный ковер. Ведь с уходом сына из дома день покупки этого ковра счастливо приблизился!

«Да,— подумал я,— заслонил от тебя ковер даже родных детей!»

Нет, не «отцы и дети»! Здесь проблема ты сам, отец. Как же это ты из румяного, энергичного парня превратился в желчного стаятеля?

Может быть, еще тогда, в институте, нам надо было не благодушно посмеиваться над твоими приобретательскими замашками, а выжигать их из тебя беспощадным смехом? Тогда, может быть, и не дошло бы до того, что собственные дети отворачиваются от тебя и бегут из твоей новой, благоустроенной, большей «норы».

О заграничной рубашке, вкусном арбузе и брюках дудочкой

(Листок из путевого блокнота)

Захотелось мне недавно посетить Советский Союз — родину Льва Толстого и Максима Горького, моих самых любимых писателей.

Перед отъездом выписал в Варшаве чек, чтобы получить советские деньги.

На пограничной станции хватился — чека нет. Забыл дома. Что делать? Не возвращаться же назад! Поехал дальше...

В вагоне подсел ко мне некий молодой человек: брюки дудочкой, пиджачок какой-то пятнистый.

— Если,— говорит он,— денег у вас нет, то я могу помочь. Вот на вас заграничная рубашка, так я ее могу купить.

— Нет, я продавать не хочу. Эту рубашку мне друг-товарищ подарил.

— Да я двести рублей за нее дам. Продайте, пожалуйста!

А рубашка, между прочим, самая обыкновенная: такая, знаете, синяя, в белую полоску.

— Нет,— говорю,— никак невозможно. Эта рубашка — подарок, мне ее из большой столицы привезли.

— Из какой столицы? — спрашивает парень.

— Из Москвы.

И действительно, мне ее из Москвы еще в прошлом году товарищ привез.

Тут что-то случилось с моим любезным собеседником. Он вскочил и заторопился в свое купе.

А поезд как раз прибыл в Ковель. Арбузов на станции видимо-невидимо! А у меня опять же ни копейки.

Вдруг подходит ко мне один пассажир — потом я узнал, что он в колхозе работает, — и говорит:

— Вот вам пол-арбуза, ешьте.

— Да что вы! — говорю. — Вам же самим надо.

— Нам хватит.

Да. Трудно отказаться... Ну, а потом мы с этим колхозником ехали до самого Киева. Так что голодать мне не пришлось.

В Киеве подходит ко мне носильщик.

— У меня,— говорю,— рублей нет.

— Ничего,— говорит он,— помогу тебе без рублей.

Таким же манером меня и шофер такси в гостиницу «Интурист» доставил — бесплатно. А когда я в своем номере по карманам начал шарить, билет искать, вдруг смотрю: три рубля. Что за наваждение? Потом понял, в чем дело. Это я еще в вагоне колхознику-то говорил, что у меня даже на сигареты денег нет...

А тут как раз из администрации звонок: получен чек на мое имя из Варшавы. Все в порядке!..

Вы, может быть, привыкли и не замечаете, какие люди живут в вашей стране. А иностранцу эта сердечность сразу бросается в глаза.

И среди таких людей этот парень в брюках дудочкой, по-моему просто недоразумение.

Хенрик РУДНИЦКИЙ,

редактор газеты «Глос роботничи».

Лодзь — Киев — Москва.

ИВАН РЯБОВ

Умер Иван Рябов, замечательный русский советский писатель, журналист, публицист, сатирик, сотрудник «Правды», член редакционной коллегии «Крокодила».

Советская литература понесла тяжелую утрату. Советская сатира потеряла талантливого, страстного борца, коллектив крокодилцев — верного, надежного друга.

Всякий, кто хоть раз соприкасался с Иваном Афанасьевичем Рябовым, уходил от него, покоренный его душевной чистотой, его человечностью, его искренностью, его светлым разумом, его обаянием. В этом суровом на вид человеке жила нежная и красивая душа. В самых его острейших, разящих фельетонах и сатирических очерках сквозила любовь к простому советскому человеку, горячая вера в победу правого дела коммунизма. Он был на редкость совестливым человеком, настоящим, надежным борцом за советскую правду.

Большой знаток и поклонник русской классической литературы, он в себе самом соединял дух демократической революционной русской интеллигенции прошлого века и комсомольский, партийный жар нашего времени.

Родился Иван Рябов в 1902 году «во глубине России», в глухой тверской деревушке. «Тверская скудная земля» привила ему любовь к застенчивой, милой красоте родной природы, которую он не уставал воспевать в своих очерках до конца жизни. В революцию ушел Рябов 16-летним юношей, был селькором, библиотекарем, работником воллесполкома. Потом стал журналистом, газетчиком. Много читал, занимался самообразованием. Именно газетная работа сначала в газетах Калининской области, потом в Москве, в «Правде», сделала Ивана Рябова талантливым писателем, публицистом и сатириком.

Он не любил сидеть сиднем в редакционном кабинете. Находиться в гуще жизни, среди людей, строителей коммунизма, простых тружеников, было его душевной потребностью. Рябов много ездил по стране, выбирая для своих поездок районы, которые раньше называли «медвежьими углами». Там своими зоркими, умными глазами он высматривал новое и поддерживал его страстно, вдохновенно, а старое, отжившее, но сопротивляющееся новому, не сдающееся без жестокой борьбы, разил без пощады оружием сатиры. Не жалея себя, он никогда не отказывался от любого редакционного поручения.

Его фельетоны и сатирические очерки всегда были украшением страниц «Крокодила». Книжки, написанные Иваном Рябовым, войдут в золотой фонд советской художественной публицистики.

Крокодилы никогда не забудут светлого человека Ивана Рябова, большого советского сатирика, писателя-правдолюбца.

Прощай, дорогой наш друг Иван Афанасьевич!

— Вот это барашки! Благодать! Ни помещения не требуют, ни кормов!

Варвара КАРБОВСКАЯ

40 копеек

Репортаж с борта троллейбуса «Б» № 1940

У нас в Москве нововведение: по маршруту «Б» ходит троллейбус без кондуктора. На боку у него так и написано, но не все успевают прочесть надпись. Входят, растерянно оглядываются:

— А кому же платить?

Те пассажиры, которые пять минут тому назад сами удивленно спрашивали: «Кому платить?», — сидят на своих местах с довольным и лукавым видом, ждут новых удивленных пассажиров.

На том месте, где мы привыкли видеть девушку-кондуктора, иногда веселую и симпатичную, иногда сердитую и грубоватую, — на этом месте стоит коричневый ящик с отверстиями. На ящике дощечка с надписью:

КАССА

Опускайте деньги за проезд.
Стоимость проезда 40 к. Провоз багажа
один рубль.

В троллейбус влетает стайка девушек:

— Ой, девочки, до чего дожили, без билетов едем! Вот весело!

Кто-то предупреждает:

— Без билетов, но не бесплатно. А то получится: катались — веселились, подсчитали — прослезились. Ну, как в кассе окажутся в основном брючные путешественники?

— Глупости! — авторитетно говорит женщина в очках, сидящая рядом с кассой.

Я уже полчаса еду и вижу, что все опускают деньги, а не пуговицы. Некоторые даже больше, чем нужно.

— По должности контролируете или добровольно?

— Я совершенно не контролирую! Просто интересно. А по должности я физик, к вашему сведению. И по призванию тоже.

— Тут не только физикам, каждому интересно, — замечает очень довольный старичок. — На сознательность быют.

— А почему, собственно, быют? Кто кого быет? — спрашивает физик.

— Ну, так говорится. В общем, борются за честность.

— Быют, борются!.. Просто предлагают платить на совесть.

— А у меня, кажется, нет мелочи, — говорит молодая женщина в розовой шляпке и растерянно улыбается.

— Небось, дочка, пошаришь, найдешь, — обнадеживает довольный старичок. — Человек — как копилка, в нем всегда мелочь имеется.

Это не совсем хорошо, что в человеке всегда имеется мелочь. Но, вероятно, старичок не имел в виду инсказательного смысла.

— Нашла! — радостно говорит молодая женщина и опускает один за другим четыре гривенника.

Входят два пареня, ремесленники. Это народ бывалый, они уже знают, в чем дело. Один из них нежно обнимает коричневый ящик — кассу.

— Ах ты, моя красавица! Ну как же мы

с тобой поладим, доверяешь мне или нет? — Он лезет в карман ватника и достает «единый» билет. — Вот, гляди, голубка, не обманываю! — и постукивает по кассе раскрытым билетом с фотокарточкой.

Он бы мог пройти, не показывая билета. Совесть у него чиста. Но вдруг кто-нибудь подумает, что он решил прокатиться зайцем? А теперь все видит его добрые намерения.

— Правильно, малый!

— На сорок копеек у каждого хватит правильности! — бурчит упрямый пассажир в серой фетровой шляпе.

Ему отвечают запальчиво:

— Дело не в сорока копейках, а в том, что вам доверяют!

На очередной остановке раздается громкоговорящий голос водителя:

— Лихов переулочек! Троллейбус работает без кондуктора, опускайте деньги прямо в кассу! Не толпитесь: у выхода есть еще одна касса.

Появляются молодой человек с девушкой.

— У тебя мелочь есть? — спрашивает девушка.

— Рубль, — говорит молодой человек и сует в щель бумажку.

— Сдачи не сдадут, не ждите! — предупреждает кто-то.

Молодой человек гордо пожимает плечом и бережно ведет свою спутницу к выходу.

— А билет? Значит, без билета? — спрашивает новая пассажирка.

— За билетом завтра приходите, — с серьезным видом говорит ремесленник. — Завтра будут выдавать с шести утра.

— Правда? — наивно спрашивает пассажирка, замечает лукавое лицо парнишки и отмахивается: — Да ну тебя!

Кто-то говорит:

— Вот так бы и в магазинах: пришел, взял товар, положил деньги.

— А как же, обязательно! Пришел в

- Наши комсомольцы никогда по плану уголь на-гора не выдают.
- Не выполняют план!
- Нет, всегда выдают сверх плана!

ГУМ, взял телевизор за две тысячи, положил деньги стопочкой — и домой!

— Вот здорово! — смеется одна из девушек. — Я непременно возьму каракулевую шубу и оставлю расписку: отдам, когда буду инженером.

— Вот когда будешь инженером, тогда и ходи в каракулях, — говорит пожилая пассажирка, — а пока одевайся попроще, не разорь родителей. На молодых все хорошо, не обязательно каракули.

Пассажиры настроены весело и доброжелательно. Одни входят, другие выходят, но общий разговор не смолкает, переходя эстафетой от одних к другим.

— Это что же, эксперимент?

— Проба, — уточняет пассажир с чемоданом, только что опустивший рубль за багаж. Он показывает на кассу: — Вот если эта кубышка выполнит план за месяц, значит, дело пойдет. — Чемодан у него небольшой. С кондукторшей он непременно поспорил бы, что это ручной багаж, а теперь платит, чтоб кто-нибудь не подумал, что он выгадывает.

Снова звучит молодой веселый голос водителя:

— Следующая остановка — «Форум». Как там с оплатой?

— Порядок! — откликается ремесленник. — Я слежу. Докладываю: один гражданин выскочил, как ошпаренный. Мелочи не нашлось, а ехать бесплатно совесть не позволяет!

Все смеются, и кажется, это первый троллейбус, в котором пассажиры довольны друг другом.

— А некоторые заграничные туристы пишут в своих газетах, что у нас народ угрюмый, не умеет смеяться.

— Так это ж не туристы, а стрекулисты! Им что ни набрехать: им за это деньги платят!

Пожилая дама с желтой паклей вместо

кудрей кисло-сладко придирается к школьнику:

— А ты, мальчик, заплатил? Или едешь бесплатно, воспользовался случаем?

И сейчас же кто-то заступает за мальчика:

— Это, может быть, вы за свою долгую жизнь пользовались всякими случаями! А зачем же ребенка брать на подозрение?

— Я заплатил, — оправдывается школьник. — Все видели.

Никто друг за другом не следит, но каждый старается опускать деньги именно так, чтобы все видели. И снова баритон водителя:

— Подъезжаем к «Красным воротам». Никто не забыл заплатить за проезд?

Раздаются замечания:

— Симпатичный водитель! Своего рода агитатор!

И опять удивленные возгласы вновь вошедших пассажиров:

— Без кондуктора? Значит, на полном доверии? Это хорошо!

Это очень хорошо. За коротенькую десяти-двадцатиминутную поездку пассажиры успевают обменяться впечатлениями от нововведения на транспорте, в случае необходимости охотно разменивают друг другу деньги, а то и выручают привенником. И все время, пока едут, шутят и смеются.

— Курский вокзал! — объявляет водитель. — Конечная остановка. Никаких жалоб нет, все довольны? Ну, в таком случае всего хорошего!

Один из пассажиров, выходя из троллейбуса, трогает кассу: крепко ли приделана.

— Не беспокойтесь: раз деньги опускают, не обманывают, то кассу не унесут.

— У нас из артели нестораемый шкаф унесли, — задумчиво говорит пассажир и на прощание похлопывает по кассе.

— Обязательно нужно ложку дегтя! — возмущается кто-то.

— Товарищи, товарищи, не переслащивайте! Троллейбус без кондуктора — это еще не мед. Просто приятное новшество, которое можно приветствовать. Кстати, хоть бы поглядеть на водителя. Уж очень он хорошо разговаривает с пассажирами. Не скажете вашу фамилию, товарищ водитель?

— Пожалуйста: Коротков.

На конечной остановке собираются новые пассажиры.

— Вон тот троллейбус раньше уйдет.

— Нет, поедем на этом, который без кондуктора. Говорят, вагон смеха.

Вот как! Оказывается, не только зрители и читатели, но и пассажиры любят смех. Очень приятно.частливого пути, товарищи пассажиры!

ПРИМЕЧАНИЕ КРОКОДИЛА

Двум тысячам пассажиров были розданы открытки с одним-единственным вопросом:

«Как вы относитесь к поезду без кондуктора?»

Вот некоторые, притом характерные ответы:

— Занятно и культурно. Давно пора!

Мастер спорта Азарх.

— Отзыв может быть лишь самым положительным.

О. Д. Кириллов.

— Искренне радуюсь такому культурному начинанию!

Никулин.

— Блестящая мысль.

Рабочие завода «Станколит».

— Надо расширять это полезное начинание.

Кандидат наук Смольянинов.

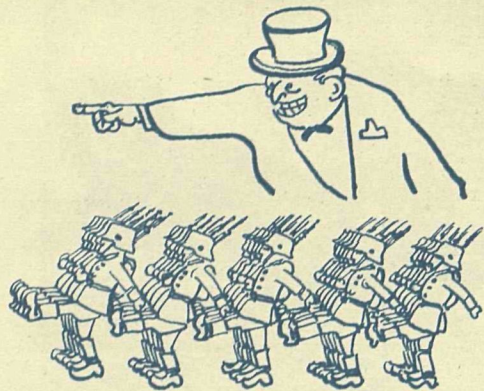
И так далее в том же духе.

Только вот некоторые товарищи из Моссовета не разделяют точки зрения москвичей-пассажиров. Почему же такое недоверие? Разве в конечном счете у финансистов не сойдутся концы с концами?

Что же касается меня, то я, разумеется, за доверие!

КРОКОДИЛ

Папаша Краузе ищет сына...

Папаша Краузе ищет сына.
Вконец одолела его кручина.
День за днем — уже много лет —
Он пишет в редакции разных газет,
Шлет объявления повсеместно
Всё с тем же текстом: «КОМУ ИЗВЕСТНО,
ГДЕ НАХОДИТСЯ КРАУЗЕ ОТТО!
Возраст — семнадцать; род войск — пехота;
Солдат; уроженец вестфальских мест;
Имел награду — железный крест.
Последние письма — из-под Берлина...»

...Вот так проходит за годом год,
А старый Краузе все ищет сына,
А старый Краузе все ждет и ждет...

...Их много, таких матерей и отцов,
Чьи объявления с газетных столбцов

В отчаянье тщетно зывают к вам.
Среди некрологов и реклам
[Такса — пятнадцать пфеннигов слово]
Вы их читаете снова и снова,
Эти скупые, печальные строки:
«Мы ищем сына... Мы одиноки...»

*

В городе Бонне живет один
Высокопоставленный господин.
Он тоже ищет. Он озабочен:
Набрать солдат он желает очень.
По всей стране он скликает их —
Сильных, цветущих и молодых.
Тысяч пятьсот — ни много, ни мало —
Рекрутов нужно ему для начала,
Чтобы — поротно — в момент любой
Их в эшелоны — и на убой!
Рекрутов ищет боннский папаша.
Знать, ему кровь полюбилась наша!

Что же, выходит, завтра опять
Будут отцы сыновей искать!
Или в разрытой снарядами яме
Рядышком лягут отцы с сыновьями,
И сыновей и отцов сотрет
С нашей планеты шальной водород!!

Тут не помогут ни вопли, ни стоны!
Надо, ломая любые препоны,
Чтобы свой дом от пожара спасти,
К миру дорогу

ИСКАТЬ И НАЙТИ!

Перевел с немецкого Лев ГИНЗБУРГ

БОЕВОЙ КЛИЧ

Судя по одному из недавних сообщений газеты «Нью-Йорк пост», каждый стопроцентный американец, желая лишний раз продемонстрировать свои высокие патриотические чувства англосакса, должен начинать свою речь с возгласа «Черт возьми!».

«Черт возьми, теперь я снова буду вылавливать проклятых черномазых!» — воскликнул в экстазе Бастер Трелор, шериф из Уотер-Валли (штат Миссисипи).

Дело в том, что этот словоохотливый шериф убил беззащитного негра. Убил он негра Даниэльса в тюрьме.

Как сообщает «Нью-Йорк пост», свидетели «подтвердили, что Трелор жестоко избивал Даниэльса дубинкой всю ночь. Позже Даниэльса освободили, и он умер в больнице в городе Мемфисе».

Шерифа судили. И шерифа оправдали. Его оправдали потому, что он белый. А Даниэльс погиб потому, что он черный.

После вынесения оправдательного приговора убийца твердо обещал продолжить свою высоко нравственную деятельность.

Несколько шерифов из соседних округов присутствовали на суде для того, чтобы оказать Трелору «моральную поддержку». Один из них, шериф Дж. М. Тревис из округа Панола, до того восхитился оправдательным приговором, что заявил корреспонденту «Нью-Йорк пост»:

«Черт возьми, шерифы убивали множество черномазых, и никто никогда ничего не говорил об этом, и уж тем более никто не обращался в суд».

Итак, расисты возмущены не убийцей, а родственниками убитого, которые осмелились беспокоить судей по такому «пустяковому» делу.

«Черт возьми!» — это как бы боевой клич дикарей-расистов. С этим возгласом они линчуют взрослых негров. С тем же криком они нападают на маленьких негров, школьников Литл-Рока.

Что же касается американской прессы, то она сообщает о зверствах расистов даже с некоторой симпатией. Дескать, вот какие они решительные парни! Здорово работают!..

Г. РЫКЛИН

22 октября исполняется 75 лет со дня рождения Дмитрия Стахивича Моора (Орлова), выдающегося советского художника-графика.

Один из зачинателей советского политического плаката, Моор, начиная с 1920 года был постоянным карикатуристом «Правды». Много сатирических рисунков художника бы-

ло опубликовано в «Крокодиле», где Моор сотрудничал с самого основания журнала.

Капитал

Форд

Соглашательские вожди уверены, что

Мо

(1883—

ПО ВСЕМ
СТАТЬЯМ

Кто Я такой?

На днях мистер Трамбл, корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс», передал из Тайбэя (остров Тайвань) очередное сообщение: «...Все больше признаков указывает на укрепление американской военной мощи в Тайваньском проливе... Специально обученные американские военнослужащие и другие лица съезжаются сюда из всех районов Тихого океана...» — пишет Трамбл.

Однако вовсе не это тревожит корреспондента, а нечто совсем другое. Оказывается, американские завоеватели так торопятся, что прибывают на Тайвань без...

Ну как вы думаете, без чего? Может быть, они забывают прихватить с собой парочку—другую авианосцев? Нет, об этом что-то не слышно. Или, может, управляемые снарядами впопыхах оставляют под кроватями? Или являются на китайский остров, чего доброго, без дальнобойных орудий?

Не гадайте: все равно не угадаете. Послушаем лучше мистера Трамбла:

«Они прибывают в такой спешке, что некоторые забыли взять с собой бритвенные приборы и привести в порядок свои денежные дела».

Ах, бедные представители американского воинства! Так уж захлопотались со своими агрессивными авантюрами, что, видите ли, и побриться не успевают...

Что же касается «денежных дел», то тут можно сказать только одно: у берегов Китая с заокеанскими пришельцами могут, не ровен час, рассчитаться сполна и по всем статьям.

Я американец по происхождению. Сначала в Турцию из Америки импортировалась «американская демократия», за ней «джип», потом я. И «джип» и я—мы оба прибыли по пути, проложенному вышеупомянутой демократией.

Я прибыл в Турцию с помощью американцев и в счет американской помощи. В очереди мне стоять не пришлось. Меня без всякой волокиты обратили в турецкого подданного, и я сразу же начал действовать.

В Турции во всем ощущается недостаток: нет автомобильных покрывшек, запасных частей, продуктов питания, но зато есть я. Во мне ни капельки не ощущается недостатка. Я на сто процентов удовлетворяю потребности страны.

У меня мрачное лицо. На вид я кажусь мягким, но пусть моя «мягкость» не вводит вас в заблуждение. Дубовые и кизилловые палки, которые применялись до меня, знали жалость—ломались. А я не ломаюсь. Мое лицо, как у маститого политического заправила,—и мрачное и мягкое.

Я гнусь, стигаюсь, но не ломаюсь.

Мое место—пояс или рука полицейского. А если я не на службе, то вишу на гвозде за дверью, как жирная черная змея.

Я—самое выдающееся достижение человеческой мысли XX века. Атомные и водородные бомбы по сравнению со мной не стоят и ломаного гроша. Я пришел на смену дамклову мечу. Свобода может спокойно дремать под моим надзором.

Я заставляю людей голосить, выводить унылые мелодии на все лады. Немой, и тот заговорит после знакомства со мной. Угрюмому сову могу превратить в болтливого попугая. Безъязыкие начинают заливаться соловьями.

Прежде, чем вы попадете в руки следователя, вашей персоной занимаюсь я. Передо мной вы превращаетесь в дрессированную мартышку.

— Говори! — приказываю.

Начинаете говорить.

— Молчи! — приказываю.

Умолкаете.

Когда вы принимаетесь во-

пить: «Господи, господи!..»,—я не слышу ваших душераздирающих стонов. У меня есть только тело, а глаз, ушей и сердца нет.

Я разгоняю демонстрации, опускаюсь на головы журналистов, охраняю демократию, не даю пошатнуться свободе.

Эй, люди! Я джоб, что по-турецки означает полицейская дубинка. Слушайте мое последнее слово! Зарубите его себе на носу. Сами вы не чувствуете боли, когда я опускаюсь на спины ваших соотечественников. Но помните: завтра настанет ваша очередь, завтра ваши спины познакомятся со мной. Когда вы вздыхаете: «Ах, господи!»,—видя, как ближнего колотят, не забывайте, что завтра и по вас кто-нибудь вздохнет подобным образом. Сегодня вы радуетесь, смеетесь... Что ж, смейтесь! Завтра вам придется плакать. Я никого не пощажу! Буду опускаться на ваши головы, спины...

Эй, люди, помните обо мне!

Перевел с турецкого
И. ПЕЧЕНЕВ.

Ор

1946]

Кисти Моора принадлежат сотни плакатов, газетных и журнальных карикатур, разоблачающих врагов

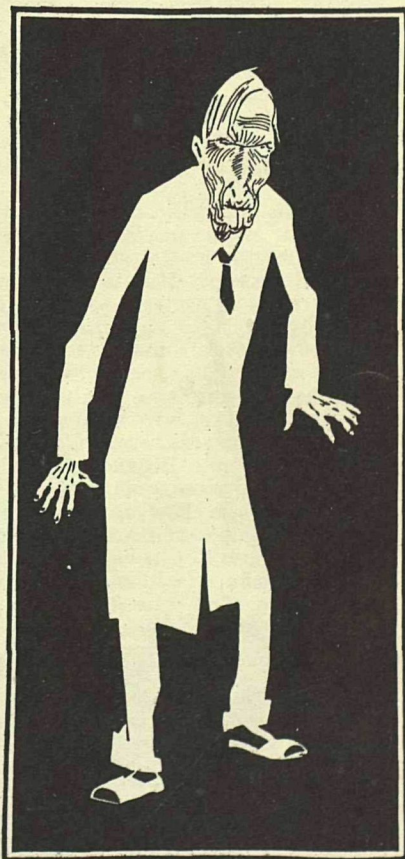
рабочего класса, правых социалистов, мракобесов-церковников, гитлеровских захватчиков.

Боевое, публицистически страстное искусство Моора занимает почетное место в истории советской политической сатиры.

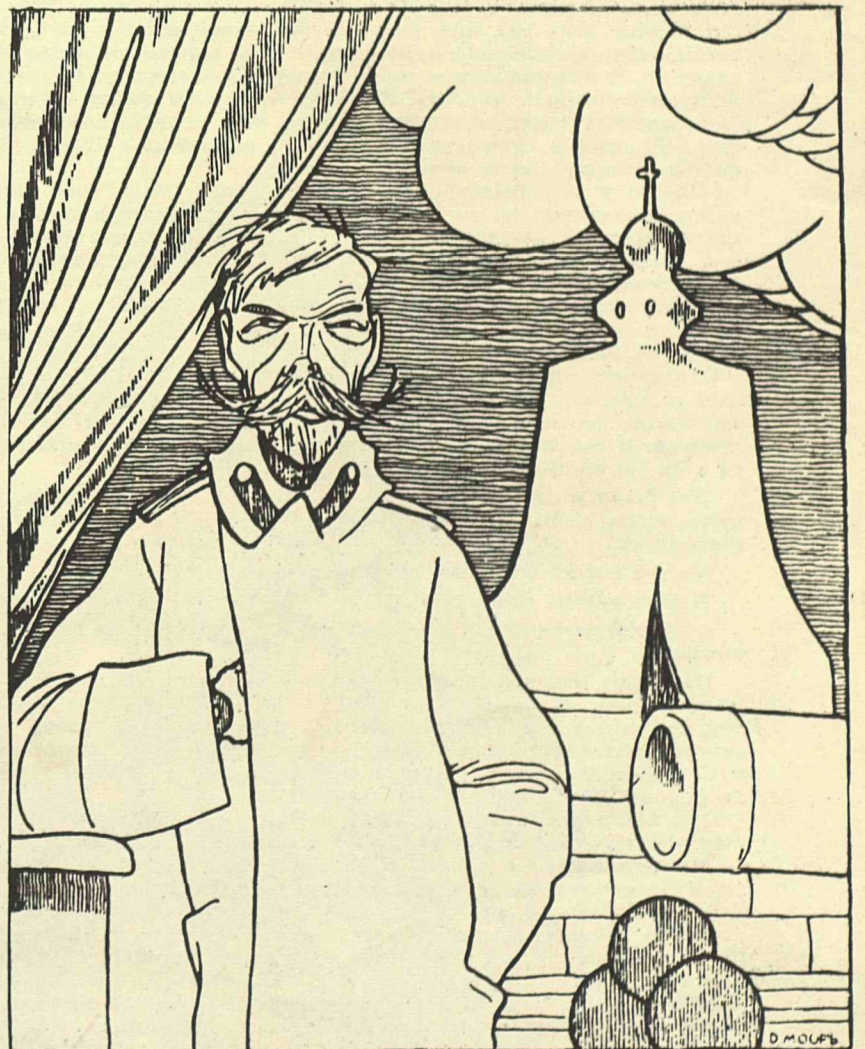
Сегодня мы публикуем некоторые работы Моора.

рабочие идут за ними

Рокфеллер

Архивная достопримечательность: «Не стреляет, не звонит, не царствует...»

На пути к разоружению

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ЧИ-ЧИ?

Рассказ американского медведя

Я еще не так стар, как мистер Даллес, хотя мне уже порядочно лет. Кроме того, я живу в Скалистых горах, а он — в Вашингтоне. Но дело не в этом, а в том, что совсем недавно я узнал одну очень интересную вещь.

Если из Фриско плыть все время на запад, то в конце концов все-таки будет земля. И там, оказывается, живут медведи, как у нас в Скалистых горах. Они так же, как и мы, любят сладости, и я слышал, что молодые побеги бамбука не менее приятны, чем ванильное печенье.

...В этот день мы, как всегда, всей семьей вышли на шопсе и остановили проезжающую машину, чтобы попросить чего-нибудь сладкого. В машине сидела молодая пара. Они угостили нас великолепным вишневым пирогом. Когда я вылизывал газету, в которую был завернут пирог, я вдруг увидел — чуть пониже портрета мистера Даллеса и чуть повыше портрета кинозвезды Джейн Мансфильд — морду симпатичнейшего медведя.

Шкура у него была, видимо, совсем белая. Мы, бурые американские медведи, не разделяем взглядов губернатора штата Арканзас мистера Фобуса, которому не нравятся люди с иным цветом кожи, чем у него самого. Поэтому мы с удовольствием рассматривали молодого и красивого медведя. Нас умилили его черный нос и глаза, окруженные темной шерстью. Словом, это была очень своеобразная личность, и его морда была, бесспорно, самой умной на этом газетном листе.

Оказалось, что наш далекий друг из рода панда скоро приедет в Америку и будет работать в Чикагском зоопарке. Мы все запомнили его романтическое имя — Чи-Чи. Мы стали ждать его приезда. Я сам когда-то выступал в цирке и решил познакомиться с Чи-Чи во что бы то ни стало.

Это было в самом начале весны. Но вот прошел апрель, май, июнь, июль, а Чи-Чи все не приезжал. Не раз я спрашивал у проезжающих:

— Что нового от Чи-Чи из рода панда?

И мне всегда отвечали:

— К сожалению, мы ничего не знаем. Не хотите ли ванильного печенья?

Однажды мне повезло: я наткнулся наконец на сообщение о нашем друге. Я прочитал в газете «Нью-Йорк геральд трибюн» три строчки о нем. И был жестоко разочарован. В газете говорилось: «Государственный департамент США не разрешил ввоз в Соединенные Штаты медведя панда по имени Чи-Чи, так как он родом из коммунистического Китая».

Мы были поражены. Никогда прежде мы не занимались политикой, предпочитая ей мед, но тут решили разобраться во всем. Мы спросили:

— Но почему вы, американцы, делаете такие глупости?

— Это не мы, — отвечали нам. — Это госдепартамент.

Время шло. Панда все еще не получал права на въезд в США. Пришла осень. И вот как-то мы остановили машину со служебными знаками.

Понимаете, это была именно та встреча, которую мы искали! Человек этот оказался сотрудником госдепартамента.

Мы начали расспрашивать его о Чи-Чи. Он изворачивался и ловко лгал. Мы обнажили клыки, и только тогда, видя, что мы говорим с позиции силы, наш собеседник сказал:

— Джентльмены, как вы не понимаете, что вышеуказанный

медведь Чи-Чи не приедет в Соединенные Штаты потому, что он просто не существует!

— Как не существует? А снимки и статьи в газетах?

— Это ничего не значит, — заявил чиновник. — Медведь Чи-Чи все-таки не существует.

Мы недоумевали. Это звучало все равно, как если бы нам сказали: «Зимней спячки не существует!»

— Поймите, мои четвероногие друзья, — продолжал он. — Ведь этот медведь родом из страны, которой не существует. Вы знаете, откуда он?

— Из Китая!

— Нет, нет, — поморщился чиновник, — из какого города?

— Мы читали, что этого медведя купил австриец Гейнц Деммер в столице Китая Пекине, чтобы продать его в США.

— Это коммунистическая пропаганда, джентльмены! — закричал чиновник. — Разве вы не знаете об инструкции госдепартамента США? Ведь Пекин — столица красного Китая, которого мы по инструкции не признаем. Значит, нет на самом деле ни Китая, ни Пекина. А раз нет Пекина, следовательно, не может быть медведя, купленного в Пекине. Теперь, я надеюсь, вам все ясно?

Я глубоко мирный медведь, и мне больше всего нравится мягкий шоколад. Но тут я не мог не укусьить человека.

— Что же тогда существует, сэр? — спросили мы после того, как чиновник пришел в себя.

— М-м-меморандум м-мистера Даллеса, где сказано, что Китая нет, а есть Чан Кай-ши, — щелкая зубами от страха, заявил чиновник.

Теперь нам действительно все было ясно.

После этого мы много разговаривали с туристами о делах нашего друга Чи-Чи. И каждый раз люди говорили нам, что они очень сожалеют. Им не нравилось, что Даллес то и дело оказывает медвежьи услуги Америке (мы даже не обижались на этот оборот речи). А потом мы увидели, что люди все чаще и чаще были в тревоге. Нам рассказали, что где-то у берегов родины Чи-Чи мистер Даллес решил устроить большую провокацию. Это нас уже не удивляло. Мы говорили американцам:

— Мы знаем, что многие из вас любят животных. Известно, что некоторые миллионеры даже оставляют наследство своим любимым собачкам. В одном из зоопарков на Дальнем Западе устроили, говорят, выходной день для того, чтобы звери могли отдыхать от посетителей. Нельзя не ценить усилия людей, которые хотят воспитать в нас хорошие качества.

Мы слышали, что недавно в Нью-Йорке некая миссис Джекобс открыла даже специальную школу для четвероногих. В этой школе обучают правилам поведения в обществе. Правила эти, в сущности, просты: не нападай без причины на своего соседа и не лезь в гости без приглашения. Все это очень хорошо. Но мы спрашиваем: почему бы в Нью-Йорке не открыть подобной школы и для некоторых людей? Почему бы не научить того же мистера Даллеса прилично вести себя в обществе? Не нападать ни на кого и не лезть на чужую землю непрошеным гостем?

Об этом мы спрашивали очень многих американцев. И они почти всегда говорили: «Это надо сделать». Я надеюсь, что они сделают это, пока не будет поздно. Я и Чи-Чи будем друзьями.

Записал в Скалистых горах в штате Колорадо (США)

И. БИРЮКОВ.

ПОКУПАТЕЛЬНАЯ СПОСОБНОСТЬ

Перелистывая папку с делом Маленького Джонни по прозвищу «Отмычка», судья лениво позевывал. «Боже мой,— думал он,— какое падение нравов! Не найти ничего интереснее, чем влезть в окно и самым вульгарным образом выкрасть из сейфа две тысячи долларов! Какая проза!»

— Десять лет,— скучным голосом сказал судья и встал было, чтобы отправиться пообедать, но в этот момент подсудимый вскопчил и дрожащим от волнения голосом воскликнул: — Ваша честь, десять лет — это несправедливо!

— Позвольте, но если мне не изменяет память, двадцать лет тому назад я собственноручно дал вам десять лет за такую же примерно кражу, и вы, помнится, были даже довольны.

— В том-то и дело, ваша честь. Именно поэтому я считаю, что справедливо было бы сейчас дать мне не десять, а всего пять лет.

— Господи, не вижу в ваших рассуждениях никакой логики!

— Одну минуточку, ваша честь. Сейчас увидите. Если я совершаю преступление и мне за него дают десять лет, вправе ли я рассчитывать, что за вдвое меньшее преступление я получу вдвое меньший срок?

— Гм, допустим.

— Именно об этом я вам и толкую, ваша честь. Выходит, всего пять лет.

— Как так? В 1938 году за кражу двух тысяч долларов вы получили десять лет и сейчас

за две тысячи долларов вы получаете десять лет. Вполне логично.

— Как раз нелогично. За эти двадцать лет стоимость доллара упала ровно наполовину, и нынешние две тысячи долларов равны тысяче долларов 1938 года. Если не верите, могу процитировать корреспондента агентства Юнайтед Пресс Интернейшнл Уилсона или, например, экономиста Коулмена Эндрюса, который прямо говорит: «Если какой-то человек имел в 1939 году доход в 2000 долларов, то в 1957 году ему нужно было бы иметь доход в 4806 долларов, чтобы по покупательной способности он равнялся его доходу в 1939 году». Что, не верите?

— Как не верить! — развел судья руками. — Я это чувствую на себе каждый день.

— Мало того, ваша честь. Чтобы прилично жить, мне нужно воровать теперь в два раза больше, чем двадцать лет назад, а для этого нужно, естественно, вдвое больше времени. Вы же совершенно не считаетесь с моей занятостью и хотите упечь меня на десять лет. Где же логика, ваша честь?

Судья задумался на минутку и сказал:

— Послушайте, но ведь вы тоже должны учитывать инфляцию.

— Разумеется, ваша честь. В 1938 году я дал вам пятьсот долларов, чтобы остаться на свободе, а сейчас я готов вручить вам тысячу.

— Ну что ж, тогда по рукам, и позвольте пригласить вас в субботу на обед. Жена будет очень рада снова увидеть вас.

З. ЮРЬЕВ

Большая спекуляция

В штабе американского командования силами НАТО в Италии царил атмосфера кипучей деятельности. По длинным коридорам с конским топотом мчались посыльные. Телефоны охрипли от звонков, а высшие штабные офицеры, словно совы, моргали покрасневшими от бессонницы глазами.

— Ну, что? — каждую минуту спрашивал генерал адъютантов. — Граница пересечена?

— Так точно, — наконец услышал он в ответ. — Крупные партии из Франции, Западной Германии, Швейцарии и Австрии уже находятся на итальянской территории и направляются к нам в штаб, в Верону.

— Готовы ли оперативные планы дальнейших действий?

— Иес, сэр. Милан берется фронтальной атакой, в Геную крупная партия забрасывается морским путем, а в Рим воздушным...

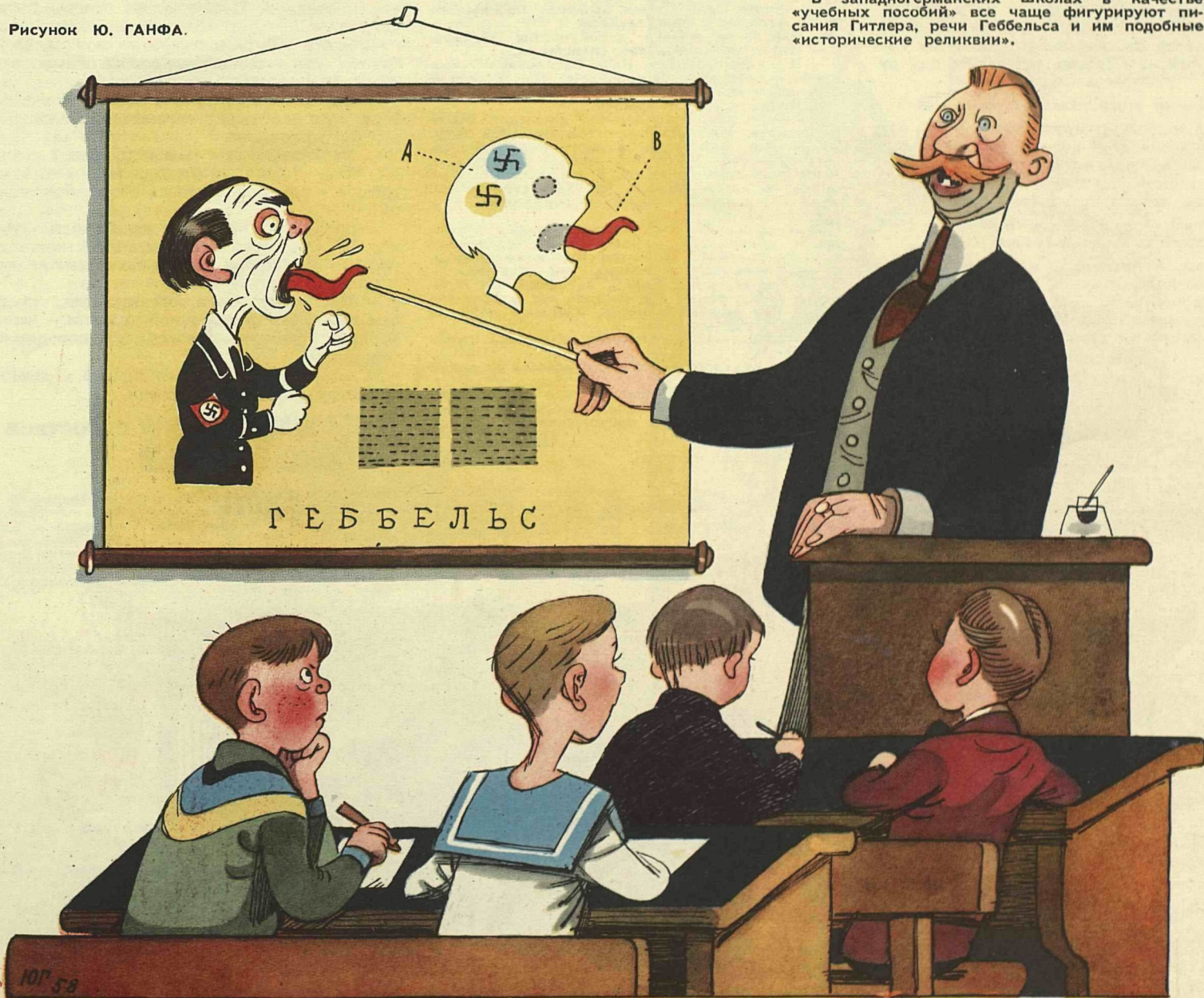
— Что это? — спросит читатель. — Большие маневры?

Не совсем. Скорее, большая спекуляция. По сообщению итальянских газет, штаб НАТО в Италии занимается контрабандным ввозом автомобильных свечей, радиоприемников и электрических бритв. Согласно первым данным расследования, в Верону было доставлено и распродано из-под полы 19 железнодорожных вагонов с товарами на 4 миллиарда лир.

Лица, проводившие судебное расследование, возлагают, по сообщениям печати, всю ответственность на... итальянские власти. И не без оснований. Вольно же им было вступать в Североатлантический блок!

Ф. АНТОНОВ

Рисунок Ю. ГАНФА.

В западногерманских школах в качестве «учебных пособий» все чаще фигурируют писания Гитлера, речи Геббельса и им подобные «исторические реликвии».

Урок немецкого языка.

Консулы

Когда произносится слово «консул», невольное представляется ответственный дипломатический работник, самоотверженно защищающий за рубежом интересы своей страны и своих соотечественников.

К сожалению, практика повседневной деятельности совнархозов Узбекистана создала новый вид консула, совершенно непохожего на своего блестящего дипломатического прототипа.

Вот перед нами мощный консульский отряд, аккредитованный в городе Ташкенте. Самаркандский совнархоз представлен И. И. Кантоном, Ферганский — С. Е. Жабиным, Бухарский совнархоз наделил высокими полномочиями сразу двоих — Гинсбурга и Слоу.

Кому они вручали свои верительные грамоты, нам неизвестно. Знаем одно: каждый месяц почтовые переводы суммою до полутора тысяч рублей вручают им ташкентские почтальоны. Прибывают и внеочередные поощрительные суммы — премии за работу.

Но в чем же заключается деятельность совнархозовских консулов?

Тов. Карапетов, начальник отдела материальных балансов, снабжения и сбыта Госплана Узбекской ССР, и тов. Литарович, заведующий отделом оборудования Госплана, отвечают на этот вопрос коротко и в достаточной мере ясно:

— Толкают!

Действительно, высокополномоченные «доставалы» проталкивают заявки на материалы и оборудование, толкутся на базах и, отталкивая друг друга, вырывают для своих совнархозов все, что только попадает под руку.

И все же от этого толкания толку мало!

Не зная настоящих нужд предприятий, консулы принципиальных вопросов не решают, и совнархозы вынуждены все равно регулярно посылать в столицу Узбекистана своих специалистов или просто новых толкачей.

А штатный консул тем временем, сняв телефонную трубку, нежно рокошет:

— Салам, Абдрахман ака! Как дела? Ты не забыл мою просьбу насчет шифера? Нет? Хотишь теперь прошу, запиши у себя: срочно десять вагонов цемента. Что? На прошлой неделе дал? Ничего, пригодится, нам запас не повердит!..

Вот так и работают...

Акмаль ПУЛАТ,

редактор узбекского сатирического журнала «Муштум».

г. Ташкент.

(Фантастическое происшествие)

В хмурый сентябрьский день в совхозе имени Ильича, Чкаловского района, проснулся директор тов. Поляков. Жители совхоза, затанув дышание, с раннего утра толпились у окон его квартиры и шепотом передавали из уст в уста радостную весть:

— Просыпается!.. Товарищ Поляков просыпается!..

— Неужто? Не может быть!

А Илья Васильевич поднялся, ничего не подозревая. Увидя десятки любопытных глаз за стеклами окон, он возмутился:

— Что это за смотрины?

— Не смотрины, — ответил главный инженер совхоза тов. Мусиенно, — а торжественная встреча.

— Кого встречаете?

— Вас, Илья Васильевич. Можно сказать, с того света: после летаргического сна.

— Гм. Странно! А мне и невдомек. И много лет я проспал, Юрий Григорьевич?

— Хотите знать? Пожалуйста. Видите во-о-он ту зерносушилку? Мы ее вместе с вами покупали в 1955 году, двадцать три тысячи заплапали. Почитай, с тех пор и спите. Сушилка-то и сейчас стоит несобранная.

Из толпы любопытных выбежал небольшого роста человек и представился:

— Начальник вашего стройучастка Пупков.

— Что-то не помню вас, гражданин.

— И не удивительно, Илья Васильевич! — воскликнул председатель рабочкома тов. Исанов. — Ведь их сколько за это время у нас сменилось!

А Пупков уже докладывал:

— Вот взгляните, товарищ директор. Это — общежитие, построенное в том же 1955 году. Сейчас оно того, пришло почти в полнейшую непригодность. 357 тысяч рублей вылетело в трубу, как одна копейка. А это, обратите внимание, двухэтажный дом. Так он и стоит у нас незаконченным: в нижнем этаже живут, а в верхнем ветры гуляют.

— Наша баня, — расшаркиваясь перед директором, докладывал управляющий отделением тов. Кунов. — Вам, помнится, так и не удалось в ней помыться, поскольку она без крыши. А мы, хе-хе, наловчились. Завидишь на горизонте тучку, веник под мышки, таз в руку — и сюда. Как дождь начнется, хлещешь себя по пояснице веником...

Тут снова вперед выскочил начальник стройучастка:

— Ну вот, собственно, и все новости за время вашего сна.

Директор закрыл глаза и, тихо охнув, повалился на руки сослуживцев. Послышался храп. Летаргия директора продолжалась.

И. ЗАЙЦЕВ

Кокчетавская область.

«Горит? Пусть горит!»

Торфа в Псковской области неисчерпаемые запасы. Среди торфяных болот стоит и сам Псков. Но вот парадокс: добыча торфа в Пскове ничтожна. Его не хватает даже для поддержания огня в топках псковской ГЭС.

Весной нынешнего года псковитянам до зарезу понадобилось 15—18 тысяч тонн торфа. Не будет их — отключай свет в домах, останавливай заводы. В городском Совете, в облплане схватились за головы и решили: послать тонцов в Московский совнархоз с нижайшей просьбой:

— Помогите! Сидим на торфе, а торфа нет...

Для страховки запросили не 15, а 60 тысяч тонн.

Вот тут-то, собственно говоря, и началось.

Псковские тонцов заключили договоры с Шатурским и Южно-Алферовским торфопредприятиями. И стали в Псков прибывать ежедневно по 30—40 вагонов с торфом. Митом забили все склады, начали сваливать торф вдоль полотна. А его все везут и везут...

Тут поднадужились и местные торфопредприятия. Количество торфа росло, как в сказке. Проблема потребления отпала, встала проблема сбыта. Но кому сбыть?

Подумали еще и решили: расписать его по организациям! Пусть жгут! В облплане так и сделали. И вот какие ответы были получены.

— Взять 700 тонн торфа не можем. Свое болото есть, — сообщила сошхижнская артель «Разнопром».

— Все дома топливом у нас обеспечены, торф нам не нужен, — заявило Псковское горжилуправление.

— Вы предлагаете нам получить 2 тысячи тонн торфа? Категорически отказываемся, — ответил Псковский хлебокомбинат.

А шатурский торф все прибывает, сгружается, превращается в крошку, начинает гореть. В Пскове потянуло дымком пожарами.

— Не хотят же организации, пусть сам горит, без посторонней помощи, — дальновидно решили псковские руководящие товарищи.

И торф горит. И летят вместе с дымом по ветру народные денежки.

С. КОСТРОВ

г. Псков.

ФОТОВИТРИНА КРОКОДИЛА

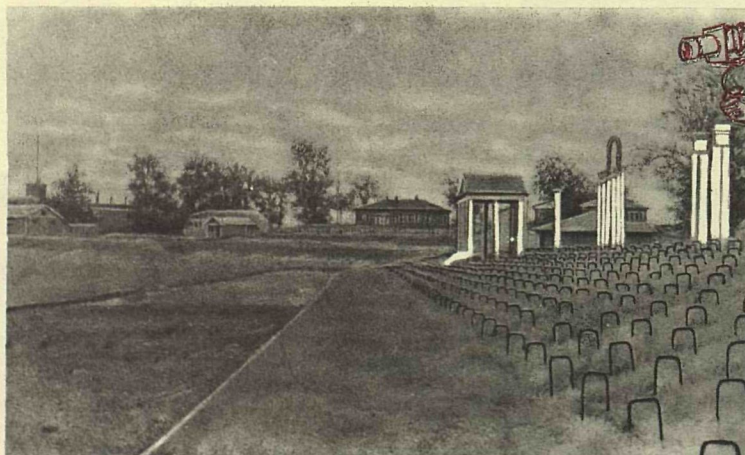
НОВОЕ В СПОРТЕ

Читатели напрасно будут ломать головы, пытаясь определить, что изображено на снимке: ворота для крокета или металлическая опора для виноградника?

Ни то, ни другое. Это стадион в г. Павлово-на-Оке. Самое интересное в том, что здесь уже установлен один всесоюзный рекорд: стадион строится десять лет. К сожалению, «приз» рекордсменам-строителям пока еще не вручен. И единственно потому, что, проходя по стадиону круг почета, призы рискуют сломать себе ноги.

В. ГОРШКОВ

Горьковская область.

ВИЛЫ В БОК

ГЛАВНЫЙ ФОКУС

До поры до времени личные интересы С. Ф. Ярных совпадали с общественными. Личность увлекалась фотографией, общество дало личности работу в фотоателье.

Но в скором времени возник конфликт: личность запустила лапу в государственный карман, был суд... Словом, С. Ф. Ярных оказался «за кадром».

Не знаем, чем он пленил руководящих деятелей Государственной охотничьей инспекции Башкирии, но должность платного егеря предоставили именно С. Ф. Ярных.

Не прошло и года, как все: и люди, и птицы, и звери, и рыбы — поняли, что с назначением С. Ф. Ярных в качестве егеря произошла явная осяечка. Притихшие было браконьеры принялись наверстывать упущенное.

Берега озера Шингак-Куль, государственного заповедника, где охота запрещена круглый год, заговорили далеко не холостыми выстрелами. Утки буквально волком звыли от разбоя браконьеров.

А как себя чувствует С. Ф. Ярных? Да прелестно! Числится егерем по Чишминскому району, а живет в Уфе; зарплату получает как егеря, а работает на дому у заказчиков фотографом.

Читатель вправе спросить: почему же фотограф С. Ф. Ярных занимает пост егеря? А вот это и есть, как говорят фотографы, главный фокус.

КРИТИКЕ НЕ ПОДЛЕЖИТ!

На консервном заводе в г. Камышине, Сталинградской области, выходит сатирическая газета «Перец». Редколлегия «Перца» стало известно, что начальник консервного цеха завода Елизавета Георгиевна Киревнина использует свое служебное положение и занимается самоснабжением. Ну чем не повод для критического выступления в сатирической газете! И 8 августа в ней появилась меткая карикатурка на Киревнину. Но тут же появилась сама Киревнина. И тут же она показала свое отношение к критике.

— Не потерплю! — безапелляционно заявила Елизавета Георгиевна, срывая со стены сатирическую газету.

Вы скажете, что это явный зажим критики? Оказывается, ничего подобного! Вопрос обсуждался на заседании партийного бюро завода, и там пришли к такому выводу:

— Во всем виновата сама редколлегия «Перца». Надо лелеять и беречь авторитет Елизаветы Георгиевны, а не раздражать ее разными карикатурками. Указать на это редколлегии!

И указали... В защиту Елизаветы Георгиевны особенно рьяно выступали секретарь партбюро тов. Киричевский и директор завода тов. Ведяпин. Они, видимо, придерживаются тех же самых взглядов в отношении критики, что и сама Киревнина...

После этого в поддержку «Перца» выступила местная камышинская районная газета «Ленинское знамя». Голос ее не был услышан, на том дело и закончилось...

Что же касается самой Киревниной, то она посмеивается:

— Нашли тоже кого критиковать! Я критике не подлежу. Меня надо поддерживать...

Но хотя Киревнина — и начальник цеха и член партийного бюро завода, может быть, ее все-таки можно критиковать?

Крокодил помог

В фельетоне «Степная быль» («Крокодил» № 7 за 1958 год) говорилось о том, что по указанию Министерства сельского хозяйства Казахской ССР в отдельные совхозы и МТС республики были завезены излишние комбайны, стогометатели, картофелеуборочные и другие машины на общую сумму в несколько сотен миллионов рублей.

Как нам сообщают, по фельетону меры приняты. Излишняя техника перераспределена.

* * *

О недооценке кукурузы в Калининской области говорилось в фельетоне «Под сенью гербария» («Крокодил» № 18 за 1958 год).

Фельетон обсужден на совещании специалистов Калининского областного управления сельского хозяйства. Почти во все районы области для оказания помощи колхозам и совхозам выезжали специалисты и руководящие работники. Виновные в безответственном отношении к кукурузе строго наказаны.

ПО НЕОПУБЛИКОВАННЫМ ПИСЬМАМ

Курганский кожзавод с 1953 года не мог получить двойльно-ленточную машину, крайне необходимую производству. Завод обратился за помощью в редакцию журнала «Крокодил».

В настоящее время двойльно-ленточная машина заводом получена.

* * *

Средняя школа № 2 Селидовского района, Сталинской области, имела только 10 классных комнат и не могла разместить 26 классов. Это мешало нормальным занятиям. Жители района обратились к Крокодилу.

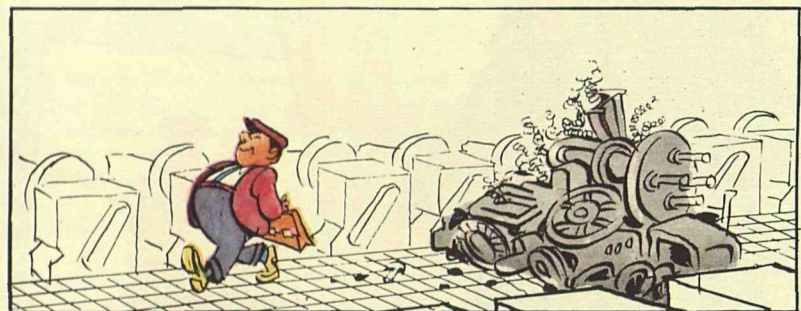
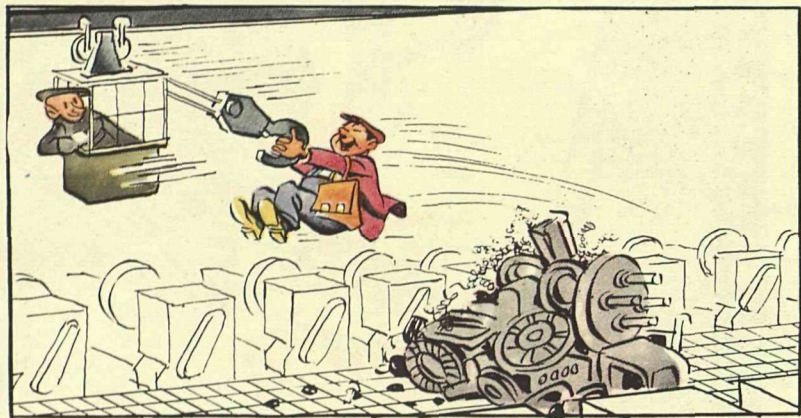
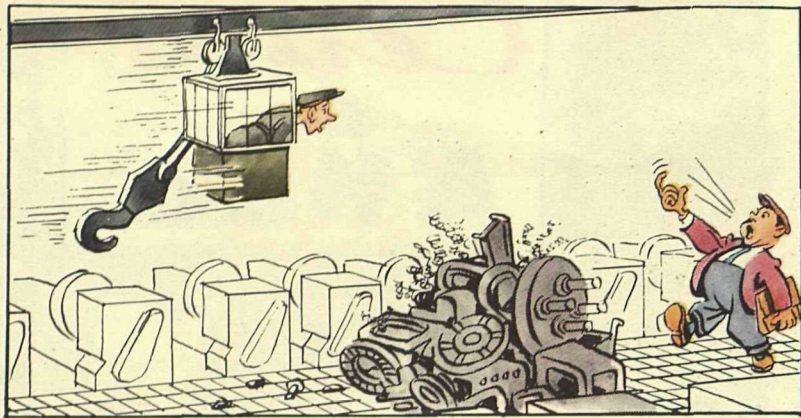
Теперь школа полностью отремонтирована. Кроме того, под школу перестроено еще одно здание.

А где же сегодня?

ИСПОЛЬЗОВАЛ ТЕХНИКУ

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

АНШАРЛИ

В Ухманской семилетней школе шло профсоюзное собрание. Шло уже несколько часов. Из-за закрытой двери доносились возбужденные голоса ораторов.

— О чем речь? — спросил коллегу опоздавший на собрание учитель.

— Аншарли! — приложив палец к губам, таинственно ответил тот.

— ...И поручить его приготовление Нине Сергеевне Сергеевой, — говорил тем временем председательствующий. — Возражений нет? Ставлю на голосование.

— Что поручили Нине Сергеевне? — механически поднимая руку, спросил опоздавший учитель.

— Аншарли, — ответил ему коллега.

Слово «аншарли» по-чувашски значит «молчок». А еще в Чувашии называют этим словом самогон. Так вот учительнице Нине Сергеевне Сергеевой профсоюзное собрание и предписывало изготовить изрядную порцию «аншарли» к вечеринке педагогического коллектива.

Те, кто на этой вечеринке присутствовал, утверждают, что Сергеева с честью справилась с поручением: самогон мог свалить с ног даже Илью Муромца.

Но когда обратились к Нине Сергеевне с просьбой поделиться секретом изготовления «аншарли», она скромно потупилась.

— Что вы, что вы! Я в этой области дилетант. Вы ступайте к Илье Васильевичу Краснову, вот это специалист!

Краснов, председатель колхоза имени Фрунзе, сказал, что он бы и рад помочь, да некогда: он пишет сейчас распоряжение кладовщице о выдаче сырья для варки «аншарли» колхознице Н. М. Михайловой.

— Да вы идите лучше к Василию Лукичу Лукину, бухгалтеру колхоза «Большевик». Мастер на все сто! — порекомендовал Краснов.

Чтобы не ошибиться, мы обратились в Канашский райком партии: кто же из самогонщиков наиболее прославился? Оказалось, что все они райкому известны. Известно и то, что их надлежит привлекать к уголовной ответственности. Но кого привлечь? Краснов — член райкома партии. Михайлова — многодетная мать. Сергеева действовала по решению профсоюзного собрания. Лукин... Вот разве что Лукина привлечь? Так он дал честное слово, что к этому зелью даже не прикаснется. Судите сами, некого судить!

Не знаем, повсеместно ли в республике самогон варят многолетние матери, но снисходительно относятся к винокурам и в других районах. За пять месяцев в Чувашии обнаружено около двухсот злостных самогонщиков. Из них осуждено на исправительно-трудовые работы только двенадцать. Мягкость карающей десницы судебных органов по душе прокурору республики тов. Алексееву. Он не опротестовал ни одного решения суда по делу о самогонварении.

Дымят винокурни в Чувашии, течет «аншарли», не пустеет вытрезвитель в Чебоксарах. За полгода здесь побывало около тысячи человек.

Долго ли так будет? До тех пор, пока местные руководители, слыша слово «аншарли» в смысле «самогон», будут стыдливо подносить палец к губам и произносить:

— Аншарли!

В смысле «молчок».

Ю. НИКОЛАЕВ

Чувашская АССР.

Рисунок В. ДОБРОВОЛЬСКОГО.

Организации, ведающие выпуском грампластинок, зачастую распространяют пошлые и развязные эстрадные песенки, в то время как тиражи грампластинок с записью музыкальной классики все еще недостаточны.

Антимзыкальный щит

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

ТОВАРИЩ КРОКОДИЛ!

Знаешь ли ты, что город Каргополь обладает редкой достопримечательностью, для которой обязательно надо найти место в областном музее? Речь идет об обширной переписке, касающейся строительства электростанции в нашем городе.

Еще в 1954 году твердо решено было электростанцию строить, о чем составлен солидный документ — приказ министра коммунального хозяйства РСФСР за № 304. Есть среди документальных экспонатов проекты, составленные «Ленгипрокоммунстроем», просто «Гипрокоммунстроем», «Гипрокоммунэнерго», акты, накладные, сопроводительные бумаги на доставку в Каргополь техники, десятки жалоб трудящихся города на затяжку строительства и десятки обнадеживающих ответов.

Имеются и вещественные экспонаты: оборудование для электростанции стоимостью в 460 тысяч рублей, которое уже успело заржаветь под открытым небом.

Пока достопримечательности не помещены в музей, можно показывать их туристам на месте. Приезжай и ты, Крокодил! Но если придешь с вечерним поездом, обязательно запасись карманным фонарем, а то до гостиницы не доберешься. По ночам у нас в Каргополе тьма кромешная...

А. ПОПОВ,
А. КУРИЦЫН

г. Каргополь, Архангельской области.

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

Как ты полагаешь, хорошо ли, что двери клуба колхоза «Искра» постоянно гостеприимно распахнуты настезь? Скажешь, хорошо? Это только на первый взгляд. Ведь двери раскрыты лишь потому, что их нельзя закрыть: они настолько ветхие, что при малейшем толчке могут развалиться.

Но это не главная наша беда. Дело в том, что в клубе перед началом сеансов обычно проходит сеанс вольной борьбы: посетители борются за места. Это и понятно: не могут же все желающие уместиться на трех колченогих скамейках.

— Ничего! — говорит председатель колхоза тов. Масловский. — Люди у нас зажиточные, каждый имеет свою мебель. Вот пусть и приносят с собой.

Представь себе, что колхозники так и делают. В дни киносеансов, как наступает вечер, к клубу стекаются колхозники со стульями и табуретками. Потом таким же манером растаскивают их обратно.

Вот какой находчивый у нас председатель колхоза!

П. КАЗАНЦЕВ

Пенгубаевский район,
Марийской АССР.

МНОГОУВАЖАЕМЫЙ КРОКОДИЛ!

Мы, жители солнечного Крыма, просим тебя: не знаешь ли ты способ, как скорее развести у нас... болота? Ты спрашиваешь: зачем нам понадобились болота? Ответим. Для того, чтобы их осушить.

Чувствуем, что ты совсем стал в тупик. Придется объяснить. Дело в том, что работники Красно-Перекопского склада сельхозснабжения не приложат, что делать и к чему при-

— Подберите, пожалуйста, пальтишко...
— На мальчика или на девочку?
— На меня...

Рисунок К. ЕЛИСЕЕВА.

ложить две болотные фрезы, которые прислала нам Джанкойская межрайонная база сельхозснабжения.

Да и базу строго судить нельзя. В самом деле, куда ей распахать те восемнадцать фрез, которые она получила из Новосибирска? Ведь болот у нас нет и не предвидится.

Непонятно, с какой радости новосибирский завод «Сибсельмаш» прислал эти машины, стоящие по 11 тысяч рублей, в Крым? Вероятно, новосибирцам померещилось, что наши горы превратились в болота?

Четвертый месяц стоят бедняжки фрезы под открытым небом, никому не нужные. И поскольку крымчаки болот заводить не собираются, видимо, простоят не один десяток лет.

А. ВОЛОБУЕВ,

редактор районной газеты
«Красный Перекоп».

Красно-Перекопск,
Крымской области.

ТОВАРИЩ КРОКОДИЛ!

Понимаешь, какая беда: скромные потребности нашего колхоза «Красный Май» никак не соответствуют стремлениям заместителя начальника Старицкой конторы связи товарища Молякова, который любит, чтобы во всем был размах.

— Радиофицируйте наши села, — просят его колхозники. — Мы вам поможем.

— Ведь всего восемь километров линии осталось да тридцать четыре радиоточки, — напоминает ему председатель сельхозартели.

Но товарищ Моляков непреклонен:

— Всего тридцать четыре радиоточки? Тем хуже. Мы не будем заниматься такой мелочью. Масштабы не те, понятно?

Видя, что людям все-таки непонятна причина отказа, товарищ Моляков поясняет:

— Такая мелкая работа для конторы невыгодна.

Что же нам делать, дорогой Крокодил, как расширить наши масштабы? В коровники провезти радио, что ли, обеспечив каждую буренку наушниками? Но опять-таки, покажется ли этот объем работы достаточным товарищу Молякову, который подходит к радиофикации села с чисто коммерческих позиций?

И. МАКАРОВ,

инструктор райкома КПСС.

Старицкий район, Калининской области.

УВАЖАЕМЫЙ КРОКОДИЛ!

Как ты думаешь, почему этим летом в Челябинске стояла необычайная жара? Могу пояснить. В данном случае природе помогла техника: сверху челябинцев нещадно палило солнце, а снизу их подошвы подпекали трубы теплофикационной сети, наполненные горячей водой.

— Правильно! Летом должно быть жарко, а зимой холодно, — рассудил управляющий Челябинским трестом теплофикации тов. Барменко и, как только наступила холодная, дождливая осень, немедленно остановил теплотель на ремонт.

Ты, наверное, представляешь, как оценили такую последовательность горожане, мерзнувшие в своих квартирах, а также обитатели детских садов, больниц и прочих учреждений. Сообщу тебе по секрету, что в адрес тов. Барменко они высказали немало «теплых» слов.

Л. ЯКОВЛЕВ

г. Челябинск.

Редакционная коллегия: И. В. КОСТЮКОВ [зам. главного редактора], А. Н. ВАСИЛЬЕВ, Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, КУКРЫНИКСЫ [М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ], С. Д. НАРИНЬЯНИ, И. М. СЕМЕНОВ, Л. С. СОБОЛЕВ.

Главный редактор — С. А. ШВЕЦОВ.

Изд-во «Правда». Адрес редакции: Москва, Д-47, 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. Д 3-31-37. Прием ежедневно (кроме воскресных дней) с 13 до 17 часов.

А 08815. Изд. № 1076. Подписано к печати 29/IX 1958 г. Формат бум. 70×108¼. Заказ № 2313. Тираж 1 020 000 экз. 1 бум. л.—2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

41
10 ОКТ 1958

Всесоюзная
Книжная палата
Обязат. экзempl.
1958 г.

Рисунок Бор. ЕФИМОВА.

АМЕРИКАНСКИЙ АВАНТЮРОНОСЕЦ

Бор. Ефимов - 58.